

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ПАРИЖЕ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ИРИНЫ КНОРРИНГ

DORRA AOUINI

THE PROBLEM OF IDENTITY OF RUSSIAN REFUGEES IN PARIS IN THE 20s: ON THE EXAMPLE
OF IRINA KNORRING'S POETIC ART

Дорра Ауини

Аспирант

► aouini22dorra@gmail.com

Санкт-Петербургский горный
университет

199106, Россия, Санкт-Петербург, 21-я
линия В. О., 2

Dorra Aouini

St. Petersburg Mining University
2, 21-ya liniya V. O.,
St. Petersburg, Russia, 199106

Литература русского зарубежья первой волны не утрачивает интереса исследователей. Традиционно первая волна эмиграции рассматривалась как единственный настоящий носитель исторической памяти о России и русской культуры. Для беженцев, вынужденных русских эмигрантов старшего поколения первой волны эмиграции, важнейшей целью, особой миссией стало сохранение русской культуры, традиций, православной веры как ментальной основы русского человека. Сегодня одной из центральных проблем изучения становится процесс актуализации вопросов, связанных с идентичностью, о которой пишут современные русские и французские исследователи, русское зарубежье рассматривается не как попытка выжить в новых социокультурных условиях, а как реализация разных путей сохранения национальной самобытности. Материалом исследования в значительной степени остаются воспоминания, мемуарная литература представителей русского зарубежья, отражающая не только повседневную жизнь, но также, и это особенно важно, мысли и чувства их авторов. Особое внимание привлекают к себе представители молодого поколения, покинувшие Россию в детском-подростковом возрасте, оказавшиеся в сложных во всех отношениях обстоятельствах и сохраняющие при этом свою национальную идентичность. К этому поколению принадлежит поэтесса Ирина Кнорринг (1906–1943), с 1925 года живущая во Франции (в Париже). В статье рассматривается первый период её творчества с особым вниманием к содержанию отражённой в нём картины мира автора. Привлекаются её дневниковые записи, представляющие как атмосферу литературной жизни молодых поэтов-эмигрантов, так и поиски творческой манеры самой И. Кнорринг. На примере жизни и творчества Ирины Кнорринг в статье с применением лингвостилистического и структурно-семантического анализа сопоставляются темы, образы и символы в поэзии русских эмигрантов первой волны, свидетельствующие о сохранении национальной идентичности младшего поколения русских эмигрантов, считавших себя не изгнанниками, а посланниками русской культуры.

Ключевые слова: эмиграция первой волны; литература молодого поколения; поэзия Ирины Кнорринг; сохранение национальной идентичности; творческая идентичность.

The author argues that the literature of the first wave Russian diaspora does not lose the interest of researchers. Traditionally, the first wave of emigration was considered as the only true bearer of historical memory of Russia and Russian culture. For Russian refugees, forced emigrants of the older generation of the first wave of emigration, the most important goal and special mission was the preservation of Russian culture, traditions, Orthodox faith as the

mental basis of the Russian. Today, one of the central problems of study is the process of updating issues related to identity, which modern Russian and French researchers write about. Russian zarubezhje (emigration) is considered not as an attempt to survive in new social and cultural conditions, but as an implementation of various ways to preserve national identity. The author establishes her research basically on the memoirs of the Russian diaspora representatives; this literature reflects not only everyday life, but also the thoughts and feelings of their authors, which is especially important. Particular attention is drawn to the representatives of the younger generation who left Russia in childhood and adolescence, found themselves in all respects in difficult circumstances and at the same time have preserved their national identity. Irina Knorring (1906–1943), a poet, who has been living in France (in Paris) since 1925, belonged to this generation. The article examines the first period of her work with special attention to the reflection of her worldview in that time. Knorring's diary entries represent both the atmosphere of the literary life of young emigrant poets and the search for the creative manner of Knorring herself. On the example of the life and work of Knorring and using linguostylistic and structural-semantic analysis, the article compares the topics, images and symbols in the poetry of the first wave Russian emigrants, which testify on the preservation of the national identity of the younger generation, who considered themselves not exiles, but messengers of Russian culture.

Keywords: emigration of the first wave; literature of the younger generation; Irina Knorring's poetry; preservation of national identity; creative identity.

Введение

В настоящее время в рамках изучения литературы русского зарубежья, не теряющей интереса у читателей и исследователей, по-прежнему привлекает особое внимание наследие русских авторов, эмигрировавших в Европу. Из них самый большой поток русских эмигрантов пришёл на Францию: более 32 тысяч человек в 1921 году и более 67 тысяч в 1926 году [Ralph Schor 2019: 11]. Сначала их именовали политическими беженцами, а затем за ними закрепилось название «русские эмигранты», которое отразило драму вынужденного изгнания. Среди беженцев были такие известные писатели, как И. А. Бунин, В. Ходасевич, Г. Адамович и др.

Сегодня изучение русского зарубежья в значительной мере связано с рассмотрением проблемы сохранения им культурной, этнической идентичности. Е. А. Земская пишет: «Значительная часть эмигрантов первой волны и их потомков — люди высокообразованные.

Их объединяет целый ряд особенностей речи, психологии и отношения к России. Их родители — <...> преданные России, стремящиеся сохранить свою «русскость». Им свойственно многоязычие, которое, с одной стороны, способствует их умению переключаться с одного языка на другой, а не строить макоронический дискурс, с другой стороны, обуславливает особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики» [Земская 2001: 36].

Особенно остро вопрос о сохранении «русскости» стоял перед молодым поколением эмигрантов, так как многие уехали из России ещё детьми и не знали её. Это поколение («незамеченное поколение» — термин писателя, литературного критика В. Варшавского) проявило естественный интерес к Западу, было более открыто французской культуре, образу жизни и оценило свободу, которую предлагала жизнь во Франции. Однако многие сохраняли двойную идентичность: как русскую, так и французскую.

Таким образом, молодые люди концептуализировали горький опыт изгнания в соответствии с двумя культурным парадигмами: той, которую эмигранты привезли с собой, и той, которую они нашли во Франции. К их числу относится и Ирина Николаевна Кнорринг (1906–1943) — представитель младшего поколения первой волны русской эмиграции. Она родилась в России. В 1920 году вместе с семьёй оказалась в числе беженцев в Крыму, с 1921 года находилась в Тунисе, затем в 1925 году переехала во Францию, где оставалась до конца дней [Кнорринг 1993: 3].

Работа с источниками на французском языке помогла нам понять, что эта тема очень важна и что в последних французских работах авторы часто пытаются определить, каким образом русским эмигрантам удалось сохранить идентичность. Этот вопрос изучался историками, культурологами, литературоведами, однако почти не изучался лингвистами.

Исследовать сегодня жизнь русских эмигрантов в Париже — это значит пытаться воскресить их быт в то время, выявить особенности взаимодействия между реальностью и представлениями о ней и восстановить процесс органиче-

ского вживания в эту реальность, который нашел отражение в произведениях молодых авторов.

Целью данной статьи является анализ проблемы идентичности младшего поколения русских эмигрантов на примере творчества Ирины Кнорринг. Анализ её произведений будет направлен на выявление тех особенностей, которые порождены национальной самобытностью картины мира автора.

Состояние изучения вопроса и методы

Современный этап изучения русского зарубежья первой волны в аспекте когнитивных исследований характеризуется особым вниманием к проблемам сохранения / утраты национальной идентичности, формирования новой идентичности.

В статье историков Л.В. Климович и Л.Ю. Лукичевой рассматривается вопрос самоидентификации молодёжи русского зарубежья в 1920–1930-е годы. Авторы выделяют несколько форм сохранения культурной идентичности: создание русских школ, проведение праздников, возникновение эмигрантских праздников, деятельность юношеских объединений под патронажем взрослых, студенческих объединений, общественно-политических организаций молодёжи. Историки подчёркивают роль образовательных учреждений в сохранении русского культурного наследия, обоснованно утверждая, что «одним из ключевых элементов сохранения идентичности выступает знание и использование языка титульной нации и родной культуры» [Климович, Лукичева 2016: 14–18].

В работе историков Т.А. Медведевой и С.В. Бушуевой представлена попытка понять важные проблемы представителей эмиграции, в первую очередь, проблемы адаптации и сохранения идентичности. Авторы перечисляют четыре волны русской эмиграции в Париже и приходят к выводу о том, что сохранение идентичности наблюдается не на каждом этапе. Авторы отмечают, что «первая и вторая волна эмиграции рассматривались как единственный легитимный носитель исторической России и русской культуры» [Медведева 2016: 32–41].

Книга доктора филологии профессора Елены Менегальдо «Русские в Париже» пользуется

большим успехом во Франции. Елена Менегальдо родилась во Франции в семье русских эмигрантов первой волны. Она воссоздает их жизнь и быт между двумя войнами. Автор книги рассказывает о сохранении памяти эмиграции благодаря русским архивам, мемуарам, альманахам. По мнению Е. Менегальдо, русский язык стал главным хранилищем национальной культуры в эмиграции. Автор пишет об особом отношении к русскому языку у представителей русской эмиграции: «Этот новый исторический разрыв порождает у эмигрантов особое отношение к родному языку, который начинают чуть ли не культивировать, видя в нем квинтэссенцию всего русского, гарантию сохранения культуры и памяти: язык в буквальном смысле слова служит средством общения для русской диаспоры» [Менегальдо 2001: 247].

В работе автора документально-биографических исследований и мемуаров, жены поэта Владислава Ходасевича, приехавшей вместе с ним в Париж в 1925 г., Н.Н. Берберовой «Курсив мой», которую многие литературоведы считают ключевым произведением писательницы, отражен процесс самопознания автора. Н.Н. Берберова, анализируя свои поступки, выявляет их мотивы и открывает читателю историю становления собственной личности. Также автор описывает жизнь поколения, которое вынуждено было находиться в двух мирах одновременно: «одном, идущем к концу, и другом едва начинающемся» [Берберова 2017: 526].

В работе Ральф Скор (Ralph Schor) «Белые русские писатели во Франции. Между двумя идентичностями» (1919–1939), «Les écrivains russes blancs en France. Un entre-deux identitaire» (1919–1939) (перевод: Ауини Дорра) показано, что для многих эмигрантов свойственна двойная идентичность: как русская, так и французская. Желая оставаться верными России и получая при этом то, что могла дать им Франция, молодые изгнанники как бы разрывались между двумя полюсами. Некоторые эмигранты столкнулись с серьёзными трудностями: большинство русских жаловалось на чувство одиночества и изоляцию, в которой они жили. Что наиболее важно,

по мнению исследователя, изгнанники подвергались страшному испытанию личности на прочность. Конечно, как и многие эмигранты, они находились между двумя культурами: культурой родной страны и культурой Франции, что хорошо отражал языковой выбор каждого. Но, кроме того, они по-прежнему не могли найти свою естественную аудиторию и яркие источники вдохновения. Вынужденные оставаться во Франции, они задавались вопросом о русской идентичности, возможности быть русскими за пределами России, творить на русском языке вдали от родины [Ralph Schor 2019: 11–26].

Работа Колин Сентерон «Возрождение идентичности русских писателей, изгнанных во Францию» (Coline Saintherant, LE RENOUVEAU IDENTITAIRE DES ÉCRIVAINS RUSSES EXILÉS EN FRANCE) (перевод: Ауини Дорра) посвящена изучению идентичности русских писателей, эмигрировавших во Францию в период от русской революции до начала Второй мировой войны. Колин Сентерон исследует автобиографические работы около сорока авторов-эмигрантов разного происхождения и социального положения, благодаря чему доказывает, что русская эмиграция не образует однородную группу и не подлежит объединению, как говорили французские исследователи до нее. Состав эмигрантов слишком разрознен. Однако процессы восстановления идентичности оказываются похожими. Вопросы, к которым они обращаются, одни и те же: определение писателя, вопрос о национальности, возникновение мифологии. Но ответы различаются: не у всех одно и то же определение писателя в изгнании, мифы, создаваемые ими, различны, а пути этих авторов в новой стране не всегда схожи [Coline Saintherant 2021: 61–71].

Таким образом, автобиографические работы, в частности, мемуарные и дневниковые тексты стали отражением поиска идентичности представителями русской эмиграции.

Методы исследования в статье: лингвистический, структурно-семантический (использовался при анализе стихотворных текстов Ирины Кнорринг, в первую очередь, образов, мотивов и сюжетов).

Обсуждение результатов

В 20-е годы XX века наиболее остро перед русскими эмигрантами встала проблема сохранения национальной идентичности в условиях проживания в Париже. Подчеркнем, что молодые представители первой волны эмиграции формировались как личности вне культуры родной страны. Париж становится культурным центром русской эмиграции, где проживают лучшие представители писательской среды. В этом городе эмигранты получили возможность сохранять старые и создавать новые произведения искусства. Объединяясь в различные кружки и общественные организации, они смогли сохранить русскую эмигрантскую культуру и национальное чувство.

Поднять моральный дух и приспособиться к новым реалиям переселенцам помогала Русская общественная студия, где эмигранты обсуждали свои проблемы. Кроме того, эта студия стала своеобразным мостом из русского Парижа во французский. Студия (1929–1931) проводила в Париже дебаты между французскими и российскими писателями и интеллектуалами. Во главе ее стоял Всеволод де Фогт (Wsevolod de Vogt), который так обозначил цель существования студии: «[для того, чтобы] в ходе последовательного обмена мнениями выявились ключевые моменты <...> интеллектуального сотрудничества между элитами двух стран» [Wsevolod de Vogt 1929: 62]. Из 14 заседаний Студии только два были посвящены философско-экзистенциальной тематике. На остальных встречах обсуждали проблемы, непосредственно связанные с литературой [Токарев 2010: 457–479]. Также эти встречи в студии давали возможность русским авторам стать известными французской публике и получить доступ к новым редакционным возможностям, позволяющим им жить своим трудом благодаря своему происхождению [Coline Saintherant 2021: 68].

Поиск путей сохранения идентичности был одной из главных задач для каждого русского эмигранта. Идентичность в данном случае рассматривается не как философское понятие, а как процесс осмысления творческой идентичности. Молодые эмигранты решали вопросы идентифи-

кации и самоидентификации с помощью работы, учёбы, искусства, в частности, поэзии.

К их числу относится Ирина Николаевна Кнорринг — представитель младшего поколения первой волны русской эмиграции во Франции. Кнорринг пыталась определить свою творческую идентичность через поэзию, общение в парижских кругах и, конечно, через выступления на литературных собраниях в качестве русского поэта, который включён в русский круг. Для неё было очень важно чувствовать себя среди единомышленников — это её попытка вписать себя в круг русских поэтов не только на основе единого для них русского языка и культуры, но и благодаря развитию творческого мышления.

В «Повести из собственной жизни» И. Кнорринг, в дневнике, который поэтесса начала вести еще в России с 11 лет и писала до конца жизни, много впечатлений, мыслей и эмоций автора. Наиболее ценными видятся воспоминания, связанные с жизнью поэтов и писателей русского зарубежья. Рассказ о встречах с ними свидетельствует о поисках Ириной Кнорринг творческой идентичности. Важно отметить, что среди поэтов, окружавших И. Кнорринг, были и молодые начинающие, и известные писатели, как например, Б. Зайцев. Таковы её первые впечатления о Зайцеве: «Б. Зайцев читал доклад о Блоке. Мне очень понравился его говор, такой красивый, ласковый...» [запись от 10 июня 1925 г.] [Кнорринг 2009].

Характеризуя выступление Г. Адамовича, И. Кнорринг определяет точки соприкосновения с его взглядами на поэзию: поэзия должна стремиться к простоте: «Доклад читал Георгий Адамович, он сам мне понравился — нервный, видно, что поэзия для него то, чем он живёт. Хотя не со всем в докладе я согласна. Но общий принцип, что поэзия должна стремиться к простоте, меня обрадовал. Тема его доклада ошибки поэзии, он здорово рассекал нас, молодых поэтов...» [запись от 10 июня 1925 г.] [Кнорринг 2009].

Стихи Владислава Ходасевича, одного из ведущих литературных критиков первой волны русской эмиграции, показались ей узнаваемыми, но вызвали критические замечания по поводу их объема: «В первом отделении читал Владислав

Ходасевич, я в первый раз его видела и слышала и узнала его стих, некоторые очень хорошие, но многие из них обладают одним общим недостатком — длиной» [запись от 30 июня 1925] [Кнорринг 2009].

Марина Цветаева и ее стихи произвели на Ирину Кнорринг наиболее сильное впечатление, вызвали размышления о собственном творчестве, заставили его критически переосмыслить: «Был в субботу вечер Марины Цветаевой. <...> что она со мной сделала? Чем так поразила? Даже и не знаю! Голосом? Чтением? Жизнерадостностью? Простотой своей? <...> Я все-таки чувствовала, что её стихи задевают меня, как-то глубоко входят <...> она отняла у меня веру в себя и в непоколебимость и правильность того, что я считала непоколебимо правильным <...> после вечера Цветаевой целый день я себе места не находила» [запись от 10 февраля 1926 г.] [Кнорринг 2009].

Союз молодых поэтов, появившийся в 1925 году, был одним из главных объединений, которое помогало начинающим русским литераторам заявить о себе и опубликовать свои произведения. Собрания Союза, проходившие каждую неделю, состояли из двух частей: выступление опытного писателя или поэта и выступление молодого поэта с последующим разбором его стихов. Литературные и поэтические вечера, проводимые Союзом на улице Данфер-Рошро (rue Denfert-Rochereau), собирали широкую публику, чем вызвали спад популярности кафе «Ля Боле» (café la baulé) [Менегальдо 2001: 100].

Как отмечает И. М. Невзорова, Ирина Кнорринг примкнула к Союзу практически с момента его создания [Невзорова 2009: 243]. Согласно летописи Союза, в течение пяти лет Кнорринг выступала с чтением своих стихов около тридцати раз [Менегальдо 2001: 190]. Это было время, когда И. Кнорринг постоянно размышляла о том, как реализовать себя в качестве поэта, шёл поиск творческого почерка. Без этих встреч и без стихов поэтов-эмигрантов она не может определить свою творческую идентичность. И. Кнорринг осознает необходимость дальнейшего творческого развития и ищет пути к нему. Происходит некоторая переоценка того, что было написано.

Так, если при первом посещении вечера Союза молодых поэтов и писателей в Париже она читала свои стихи экспромтом, то для второго посещения, вдумчиво отбирая стихи для чтения, она ничего не смогла подобрать: «Стала перебирать свои черновики и пришла к выводу, что мне нечего читать. <...> Все обо мне и о Сфаяте... Стало ясно, что так стихов не пишут, нужно искать какие-то новые пути» [Кнорринг 2009: 500].

Она пыталась найти собственную творческую идентичность именно в Союзе молодых поэтов: «Я в Париже только два стихотворения написала. Мне ясно теперь, что я стою в тупике, что нужно искать чего-то нового. Даст ли мне это Союз молодых литераторов и поэтов в Париже? Или придётся опять ползать в темноте и из одного тупика лезть в другой? Страшно мне» [запись 10 июня 1925] [Кнорринг 2009].

Стихи Ирины Кнорринг овеяны общими чувствами русских писателей-эмигрантов, имена которых непосредственно включены в её текст: И. А. Бунина, М. Цветаевой, Б. Зайцева, В. Ходасевича.

Отметим здесь, что вступление в Союз молодых литераторов и поэтов сразу по приезде в Париж, неразрывная связь с писателями-современниками, проявленная в творчестве, выявляют одну из характерных черт русского менталитета: *соборности* как единства во множественности. Эта категория определяется как «предполагающая общинность человеческого сознания, согласованность себя с другими», она «с одной стороны, находит отражение в русской языковой картине мира, с другой — формирует ментальность русского человека» [Одинцова 2021: 240]

И в то же время И. Кнорринг остаётся уникальной творческой личностью, способной найти неповторимые, свойственные только ей слова, наиболее полно выражающие её индивидуальную трагедию и её индивидуальное трагическое восприятие эпохи.

Например, после посещения вечера Марины Цветаевой, о котором мы упоминали ранее, Ирина Кнорринг пишет стихи, повторяющие мысли после литературного вечера:

«Цветаевой»

Целый день по улицам слонялась.

Падал дождь, закручивалась пыль.

Не пойму, как я жива осталась,

Не попала под автомобиль.

На безлюдных, тёмных перекрёстках

Озиралась, выбившись из сил.

Бил в лицо мне дождь и ветер хлёсткий,

И ажан куда-то не пустил.

Я не знаю — сердце ли боролось,

Рифмами и ямбами звеня?

Или тот вчерашний женский голос

Слишком много отнял у меня?

<7 февраля 1926>

Стихотворение «Цветаевой» содержит 12 строк, написано пятистопным хореем с перекрёстной рифмой АbАb. С нашей точки зрения, такая форма была выбрана Кнорринг для того, чтобы подчеркнуть специфику лирического сюжета. В первой части стихотворения приводится описание погоды: «дождь, ветер, темнота, пыль». В описании Парижа доминирует серый цвет и темнота. На эту особенность художественного мира Кнорринг справедливо указывала, в частности, В. А. Соколова, которая характеризовала лирику поэтессы 1920-х гг. следующими словами: «Основной цвет, который она использует в своей палитре, серый. Фоном в ее произведениях часто присутствуют дождь и туманы. Для её стихов типично описание состояния тяжёлой усталости, бессонницы или тягостной сонливости, полубреда, боли моральной и физической, связанной с болезнью» [Соколова 2011: 263].

Эти мотивы связаны с чувствами и состоянием поэтессы, в центре внимания находятся душевные переживания, связанные с размышлениями о её творческом и жизненном пути. Подчёркнут мотив дороги — «на безлюдных, тёмных перекрёстках». Дорога в стихотворении Кнорринг — символ жизненного и творческого пути, мечта о лучшей жизни в будущем. С одной стороны, это реальная дорога, реальная жизнь, где она потерялась в перекрёстках, в парижских улицах,

словно двигаясь по замкнутому кругу, так как начальный парижский период был одним из самых сложных и неопределённых в жизни Ирины Кнорринг. С другой стороны, дорога становится метафорой: Кнорринг ищет свой путь не только на улицах Парижа, но и в поэзии.

Творчество играет важную роль в этом процессе, оно помогает освободиться от душевных мук и способствует самопознанию. В стихотворении первая часть посвящена жизненному пути, а вторая — творческому. По нашему мнению, Кнорринг пыталась найти свою творческую идентичность через сопоставление с творчеством Цветаевой, кое-что взяв из её опыта. Например, формальные обрывы, неточные рифмы. Но в целом её тихая лирика была чужда бурной поэзии Цветаевой.

Первое выступление Ирины Кнорринг в Союзе со стихотворением «Ахматова сказала раз...» имело огромный успех. Она была в центре внимания, хотя заранее не знала о выступлении, была уверена в себе и прочитала первый раз свои «мысли вслух» [Кнорринг 2014: 746]. Поэтесса утверждала, что благодаря первому выступлению её записали в Союз. Появилось ощущение найденного пути, который она долго искала: «Это было очень к моменту, и успех на мою долю выпал большой. Председатель просил прочесть ещё ... Потом уже сам секретарь подошёл ко мне с блокнотом и записал меня в Союз, подходили знакомится; одним словом, я была центром внимания, мне казалось, я наконец попала куда следует, нашла то, о чем так долго думала в Сфаяте. Я была — скажу без преувеличения — счастлива...» [запись 30 июня 1925] [Кнорринг 2009]. Особое влияние на И. Кнорринг оказала поэзия А. Ахматовой [Щукина, Ауини 2020: 55-57], творчество которой оставалось востребованным и в эмигрантской среде.

«Ахматова сказала раз...»

Ахматова сказала раз:

«Мир больше не чудесен!»

Уже теперь никто из нас

Не станет слушать песен.

И день настал, и пробил час,

И мир покрыла плесень.

И Гиппиус в статье своей
С тоской твердит в газете,
Что все поэты наших дней —
Сплошь — бездарь или дети,
Что больше нет больших людей,
Нет красоты на свете...
Скребутся мыши. Ночь молчит,
Плывет в тоске бессвязной.
Несмелый огонёк свечи
В углу дрожит неясно...
О, злое сердце, не стучи:
Жизнь больше не прекрасна!

Стихотворение написано в 1925 году. Содержит 18 строк, написано 3–4 стопным ямбом с перекрёстной рифмой аВаВаВ. Рефренные повторы «раз, нас, час, чудесен, песен, плесень, своей, дней, людей» усиливают мотив тяжёлых воспоминаний, которые преследуют героиню. Стихотворение начинается словами «Ахматова сказала раз: мир больше не чудесен» — это строчка из стихотворения Анны Ахматовой «Теперь никто не станет слушать песен». Отсылка к стихотворению Ахматовой является рефлексией на её стихи. Кнорринг согласна с Ахматовой и что жизнь приобрела иной смысл: «Жизнь больше не прекрасна». Слово «тоска» повторяется дважды. Образ тоски является сквозным в творчестве Ирины Кнорринг: поэтесса обращается к воспоминаниям из-за одиночества и душевной боли.

В стихотворении используется антитеза «день-ночь»: при описании восприятия жизни используется градация «час — день — ночь — жизнь — мир», это характерно для поэзии И. Кнорринг, так как её жизнь проходит в «пустом тумане». В стихотворении использована анафора в 5, 6 и 7 строках: «И» повторяется четыре раза. Возможно, И. Кнорринг хотела сказать, что жизнь продолжается, но в ней ничего не меняется.

Влияние поэзии А. Ахматовой на творчество поэтессы И. Кнорринг очевидно и уже рассматривалось в современных филологических работах. Так, определяя поэтическую родословную И. Кнорринг, один из авторитетных исследователей её творчества В. А. Соколова отмечает двойное «ахматов-

ское влияние»: «с одной стороны, это литературная учеба, с другой — стремление преодолеть ученичество, изжить чужую манеру, найти свой стиль» [Сokolova 2010: 63].

Ещё одно стихотворение, связанное с размышлениями о творчестве, «Отговорил, отскандалил...» 1925 г. является откликом на смерть С. Есенина. Стихотворение содержит 8 строк: в первых шести использован 3-иктный дольник, в двух последних — 4-иктный дольник. Мотивы лирики Есенина использованы Кнорринг для построения сюжета. В частности, в первой строке употребляются глагольные формы «отговорил», «отскандалил», которые отсылают к стихотворениям С. Есенина «Отговорила роща золотая...» 1924 г., «Я обманывать тебя не стану...» 1922 г. Последние строки вводят мотив самоубийства — в них называется имя поэта. Но ещё важнее, что появление этих строк связано с описанием нового поколения русских поэтов — «тревожной смены», к которой принадлежит и сама Кнорринг.

«Отговорил, отскандалил...»

Отговорил, отскандалил,
Остановил колесо.
Ушёл в бестелесные дали
Раскольник из древних лесов.
И минуты в тревожной смене
Стали темны и страшны,
Когда закачался вдоль голой стены
В страшной петле — Сергей Есенин.
<1925>

Таким образом, были проанализированы некоторые стихотворения Ирины Кнорринг, в которых присутствуют известные русские поэты, чья творческая манера привлекает молодого автора и побуждает искать свой творческий почерк. Выбранные для анализа стихотворения характеризуют лирику Кнорринг первого периода, они выражают не только чувства, мысли поэтессы, но и мироощущение многих русских эмигрантов. Мотивы связаны с чувствами и состоянием поэтессы, в центре внимания находятся душевные переживания,

размышления о творческом и жизненном пути. При анализе стихов Ирины Кнорринг раскрывается специфика сохранения национальной самобытности русскими эмигрантами и писателями первой волны во Франции.

Поэтический голос Кнорринг был услышан и особо выделен современниками среди представителей русского поэтического зарубежья. После издания в 1931 г. первого сборника И. Кнорринг «Стихи о себе» В. Ходасевич в рецензии «Женские стихи» отметил: «Как и Ахматовой, Кнорринг порой удаётся сделать «женскость» своих стихов нарочитым приёмом. <...> Той же Ахматовой Кнорринг обязана чувством меры, известною сдержанностью, осторожностью, вообще — вкусом, покидающим её сравнительно редко. <...> Кнорринг женственна. <...> Будем надеяться на дальнейшие встречи с этой ещё неопытной, <...> но всё-таки одарённой и чем-то милой поэтессой» [Ходасевич 1931: 3]. Предсказание В. Ходасевича подтвердилось, о чем свидетельствует отзыв Г. Иванова в статье «Поэзия и поэты» на посмертную книгу стихов И. Кнорринг, вышедшую в 1949 году: «Кнорринг была не очень сильным, но настоящим поэтом. Её скромная гордость и требовательная строгость к себе, мало кем оценены, будут, я думаю, всё же со временем вознаграждены. У скромной книжки Кнорринг есть шансы пережить многие более «блестящие» книги её современников. И возможно, что, когда иные из них будут давно «заслуженно» забыты, бледноватая прелесть стихов покойной Кнорринг будет все так же дышать тихой, неяркой, но непредельно-благоуханной поэзией» [Возрождение. 1950. №10].

О творчестве Кнорринг положительно отзывались Г. Адамович, Н. Оцуп, Ю. Терапиано. Н. Станюкович в поэтической форме отметил присущее стихам Кнорринг сочетание страдания и гармонии: «О, неприютная душа! — / Добыча горькая изгнанья, / Как гармонично хороша / Поэма твоего страданья. / Здесь слово каждое легло, / Как вздох усталости и боли, / И смерти черное крыло / Сломил бунт ненужной воли» [Адамович 1930: 3]. Г. Струве назвал поэзию Ирины Кнорринг «очень личной», «едва ли не самой грустной во всей зарубежной литературе» [Струве 1956: 418].

В 1962 г. А.Ахматова сказала о своеобразии поэзии Кнорринг: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно и скучно на Западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи» [Ахматова 1986: 217].

Стихи Ирины Кнорринг публиковались во многих изданиях эмигрантской периодики, в частности, в сборнике «Союза молодых поэтов». По свидетельству писателя первой эмигрантской волны В. Яновского, «эмигрантская периодическая печать в целом относилась к стихам с сугубой нежностью. От рижского «Сегодня» до «Нового русского слова» в Нью-Йорке, повсюду тщательно набирали стихи Кнорринг, Червинской, Штейгера» [Яновский 1993:165].

Заключение

Источники на французском языке и современные статьи русских исследователей показывают, что проблема идентичности русских беженцев, в частности эмигрантов первой волны во Франции, чрезвычайно актуальна и важна. Учёные пытаются определить, каким образом русским эмигрантам удалось сохранить национальную и творческую идентичность.

Анализ стихотворений Ирины Кнорринг позволяет рассматривать её лирику как дневник в стихотворной форме, в котором осмыслены события биографии автора. Поиск творческой идентичности в первый период жизни И. Кнорринг во Франции был связан с попыткой понять себя как поэта: как часть русского поэтического мира в кругу русских поэтов, и как стремление найти свой голос, свой почерк, свой образ.

Итак, русские эмигранты первой волны, стремящиеся преодолеть чувство изгнания, представляли собой достаточно многочисленную и разнообразную по возрасту, социальному положению, литературному таланту группу, однако процессы сохранения/формирования идентичности представляются похожими. Они очевидно базируются на таком отличительном признаке русской ментальности,

как соборность, то есть «общинность», которая проявляется в доверии и взаимопомощи, при этом отношения в обществе/группе регламентированы не законом, а нравственностью. Размышляя о творческой идентичности, Ирина Кнорринг связывает решение этого вопроса с обращением к выработке собственного поэтического видения мира, в котором особое место занимают русские поэты, её современники.

ИСТОЧНИКИ

- Ахматова 1986 — Ахматова А. А. *Сочинения в 2-х томах*. Т. 1: Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1986. 509 с.
- Берберова 2017 — Берберова Н. Н. *Курсив мой: автобиография*. Сулис Л. М. (ред.). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 526 с.
- Кнорринг 2014 — Кнорринг И. Н. *Золотые миры*. Чернов Н. М. (ред.). Алматы: Седьмая верста, 2014. 746 с.
- Кнорринг 2012 — Кнорринг И. Н. *О чём поют воды Салгира. Беженский дневник. Стихи о России*. М.: Кружок, 2012. 208 с.
- Кнорринг 2009 — Кнорринг И. Н. *Повесть из собственной жизни: Дневник*. В 2 т. М.: «Аграф», 2009. 608 с.
- Кнорринг 1939 — Кнорринг И. Н. *После всего: Стихи 1920–1942 гг.* Алма-Ата: Вариант, 1993.
- Ходасевич 1931 — Ходасевич В. Ф. *Женские стихи*. Возрождение. 1931, (2214): 3.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 1930 — Адамович Г. В. *Молодые поэты*. Париж: Последние новости, 1930. 3 с.
- Земская 2001 — *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. Земская Е. А. (отв. ред.) М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 456 с.
- Климович, Лукичева 2016 — Климович Л. В., Лукичева Л. Ю. *Формы сохранения культурной идентичности молодым поколением российских эмигрантов в 1920–1930-е гг. История: факты и символы*. 2016, (4): 14–18.
- Медведева, Бушуева 2016 — Медведева Т. А., Бушуева С. В. *Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции*. *Вестник ННГУ*. 2016, (2): 32–41.
- Менегальдо 2001 — Менегальдо Е. *Русские в Париже: 1919–1939*. Попова Н., Попов И. (пер. с фр.). М.: Кстат, 2001. 247 с.
- Невзорова 2009 — Невзорова И. М. *Творческий путь Ирины Кнорринг (опыт становления русского поэта в изгнании)*. *Известия Самарского научного центра РАН*. 2009, (4–1): 242–246.
- Одинцова 2021 — Одинцова И. В. «Соборность» как доминанта русской языковой ментальности (в аспекте лингводидактики). В сб. *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XIV Международной научной конференции (Владимир 28–30 сентября 2021), посвящённой 120-летию проф. Н. Н. Прокоповича*. М., 2021. С. 240–245.
- Соколова 2010 — Соколова В. А. *Мотивы лирики И. Ф. Анненского и А. А. Ахматовой в творчестве Ирины Кнорринг*

(разветвленность поэтической родословной). *Вестник Новгородского государственного университета*. 2010, (56): 62–66.

Соколова 2011 — Соколова В. А. Поэтические особенности творчества Ирины Кнорринг: к вопросу о периодизации. *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*. 2011, (2): 254–264.

Струве 1956 — Струве Г. П. *Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы*. Нью-Йорк.: Издательство им. Чехова, 1956. 418 с.

Токарев 2010 — Токарев Д. В. «Русская душа» и «esprit français»: Обсуждение художественных и идеологических проблем на заседаниях Франко-русской студии в Париже (1929–1931). В: Багно В. Е., Маликова М. Э. (ред.). *К истории идей на Западе: «Русская идея»*. СПб.: Издательство Пушкинского дома; Петрополис. 2010, с. 457–479.

Щукина, Ауини 2020 — Щукина Д. А., Ауини Д. Лирика И. Н. Кнорринг и Анна Ахматовой: тематические переклички. *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*. 2020, (25–2): 55–57.

Яновский 2016 — Яновский В. С. *Поля Елисейские*. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 281 с.

Ralph Schor 2019 — Ralph Schor. Les écrivains russes blancs en France. Un entre- deux identitaire (1919–1939). *Revue européenne des migrations internationales*. 2019, (33–1): 11–26.

Sainthorant 2021 — Sainthorant Coline. Le nouveau identitaire des écrivains russes exilés en France. Ауини Дорра. *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin*. 2021, (53): 61–71.

Wsevolod de Vogt 1929 — Wsevolod de Vogt. «Soirées de Paris». *France et monde*. 1929, (135): 59–63.

SOURCES

Ахматова 1986 — Akhmatova A. A. *Essays in two volumes*. Vol. 1: Poems. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 509 p. (In Russian)

Берберова 2017 — Berberova N. N. *Italic mine: Autobiography: автобиография*. Suris L. M. (ed.). Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 2017. 526 p. (In Russian)

Кнорринг 2014 — Knorring I. N. *Golden Worlds*. Chernov N. M. (ed.). Almaty: Sed'maia versta Publ., 2014. 746 p. (In Russian)

Кнорринг 2012 — Knorring I. N. *What the Salgir's waters sing about*. *Bezhensk Diary. Poems about Russia*. Moscow: Krug Publ., 2012. 208 p. (In Russian)

Кнорринг 2009 — Knorring I. N. *The story of their own life: Dairy*. Moscow: Agraf Publ., 2009. 608 p. (In Russian)

Кнорринг 1939 — Knorring I. N. *After all: poems. 1920–1942*. Alma-Ata: Variant Publ., 1993. (In Russian)

Ходасевич 1931 — Khodasevich V. Women's Poems. *Vozrozhdenie*. 1931, (2214): 3. (In Russian)

REFERENCES

Адамович 1930 — Adamovich G. B. *Young poets*. Paris: Poslednie Novosti Publ., 1930, 3 p. (In Russian)

Земская 2001 — *The language of the Russian abroad. General processes and speech portraits*. Zemskaiia E. A. (ed.). M.; Vena: Iazyki slavyanskoi kul'tury Publ.; Venskii slavisticheskii al'manakh Publ., 2001. 456 p. (In Russian)

Климович, Лукичева 2016 — Klimovich L. V., Lukicheva L. Iu. Preservation's form of cultural identity by the younger generation of Russian emigrants in the 1920s–1930s. *Istoriia: fakty i simvol*. 2016 (4): 14–18. (In Russian)

Медведева Т. А 2016 — Medvedeva T. A. The Russian Diaspora of the twentieth century: features of the formation, adaptation and preservation of the national identity of Russian emigration. *Vestnik NNGU*. 2016 (2): 32–41. (In Russian)

Менегальдо 2001 — Menegaldo E. *Russians in Paris: 1919–1939*. Popova N., Popov I. (transl. from French). Moscow: Kstati Publ., 2001. 247 p. (In Russian)

Невзорова 2009 — Nevzorova I. M. Irina Knorring's creative path (the experience of becoming a Russian poet in exile). *Izvestiia Samarskogo nauchnogo centra RAN*. 2009, (4–1): 242–246. (In Russian)

Одинцова 2021 — Odintsova I. V. "Sobornost" as the dominant of the Russian language mentality (in the aspect of linguodidactics). In.: *Yazykovye kategorii i edinitsy: sintagmicheskii aspekt. Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Vladimir 28–30 sentiabria 2021), posviashyonnoi 120-letiiu prof. N. N. Prokopovicha*. Moscow, 2021. P. 240–245. (In Russian)

Соколова 2011 — Sokolova V. A. Poetic features of Irina Knorring's creativity: on the question of periodization. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezhia imeni Aleksandra Solzhenitsyna*. 2011, (2): 254–264. (In Russian)

Соколова 2010 — Sokolova V. A. The motives of the lyrics of I. F. Annensky and A. A. Akhmatova in the work of Irina Knorring (the branching of the poetic pedigree). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, (56): 62–66. (In Russian)

Струве 1956 — Struve G. P. *Russian literature in exile: the experience of a historical review of foreign literature*. New York: Izdatelstvo im. Chekhova Publ., 1956, 418 p. (In Russian)

Токарев 2010 — Tokarev D. Russian Russian Soul and esprit français: Discussion of artistic and ideological problems at the meetings of the Franco-Russian Studio in Paris (1929–1931). In: *K istorii idei na Zapade: "Russkaia idea"*. Bagn V. E., Malikova M. E. (eds.). St. Petersburg: Pushkin House Press; Petropolis Publ., 2010. P. 457–479. (In Russian)

Щукина, Ауини 2020 — Щукина Д. А., Ауини Д. Lyrics by I. N. Knorring and Anna Akhmatova: thematic roll calls. *Lingvoritoricheskaia paradigma teoreticheskie i prikladnye aspekty*. 2020, (25–2): 55–57. (In Russian)

Яновский 1993 — Ianovskii V. S. *Elysian Fields*. St. Peterburg: Pushkinskii fond Publ., 1993, 281. (In Russian)

Ralph Schor 2019 — Ralph Schor. Les écrivains russes blancs en France. Un entre- deux identitaire (1919–1939). *Revue européenne des migrations internationales*. 2019, (33–1): 11–26.

Sainthorant 2021 — Sainthorant Coline. Le nouveau identitaire des écrivains russes exilés en France. Ауини Дорра. *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin*. 2021, (53): 61–71.

Wsevolod de Vogt 1929 — Wsevolod de Vogt. «Soirées de Paris». *France et monde*. 1929, (135): 59–63.